

АНАСТАСИЯ СТЕР

НОЧЬЮ ЗВЕЗДЫ ИЗ ИНЕЯ

18+

Анастасия Стер
Ночью звезды из инея
Серия «Sport romance.
Спорт и поцелуи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72387577

*Ночью звезды из инея:
ISBN 978-5-04-229194-4*

Аннотация

ЛЮБОВЬ И ПОЦЕЛУИ ПОД ЗВЕЗДАМИ, горячие пловцы из Мадрида, жаркая Испания, чуррос и много страсти.

Дебютный спортивный роман Анастасии Стер.

Спортивная карьера Элиана Ньето висит на волоске. Восходящая звезда и гениальный пловец? Как бы не так! Идиот, который ударил по лицу главного судью! Теперь место в олимпийском резерве ему точно не светит. Но одна встреча с симпатичной блондинкой, которая соглашается стать его менеджером, меняет все.

Отношения Элиана и Евы развиваются стремительно и очень скоро выходят за рамки деловой этики. Ева очень нравится Элиану, но он упрямо не может забыть девушку, которую случайно поцеловал на вечеринке два года назад. А Ева не может выбросить из головы парня, который однажды похитил все ее звезды.

Элиан и Ева гоняются за миражами и бликами на поверхности воды. Осмелятся ли они отпустить прошлое и поверить в свет настоящего?

Тропы: sport-romance, от друзей к возлюбленным, он влюбляется первым, он спортсмен, она его менеджер, проблемы восприятия себя, сложные отношения с родителями

Триггер: расстройство пищевого поведения.

Художник: VIKKIVI

Содержание

Плейлист	6
Пролог	7
Глава 1	13
Глава 2	25
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Стер

Ночью звезды из инея

*Посвящается всем, кто каждый день вынужден
бороться со своим отражением*

© Стер А., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Плейлист

1. Starset – Starlight
2. Алена Швец – «Комплексы»
3. Элли на маковом поле – «ближеБлиже»
4. Novo Amor – Anchor
5. Andrew Belle – Pieces
6. Samantha Sanchez – Muero Contigo
7. Samantha Sanchez – De Mi
8. Samantha Sanchez – 2050
9. Samantha Sanchez – Romance
10. Nicole Wallace – Bella
11. Carla prata – Favelada

Пролог

2 года назад

Я делаю глоток коктейля из фиолетового пластикового стаканчика и чувствую, как спирт ударяет мне прямо в голову. Я сморщиваюсь и закашливаюсь, прикрывая рот ладонью.

– Кто тебя учил коктейли мешать, придурок?!

– Это рецепт моего дедушки: девяносто процентов алкоголя и десять газировки, – орет мне в лицо уже пьяный Джерри, до краев наливая джин в бокал. Джерри забавно крутит бедрами под оглушающий трек, и я понимаю, что с ним разговаривать уже бесполезно. – А ты разве не хочешь напиться в хлам?

– На прошлой неделе мне хватило, спасибо.

Я стала звездой предыдущей вечеринки, потому что перепила выпускников. Танцевала вместе с ними на всех поверхностях дома, а потом мы пытались оторвать дверцу соседского автомобиля – это обсуждал весь кампус еще много дней. Повторять подобное шоу не хочется, поэтому я выплескиваю этот слегка сладкий спирт на газон и ставлю стаканчик на низкий столик прямо рядом с чужой задницей,

которую лапают мужские руки. Нет, две пары мужских рук. Отличного вечера тебе, подруга, надеюсь, тебя не разорвет.

Сквозь потные тела я начинаю пробираться в дом, чтобы умыться и прийти в себя. Кажется, что я нахожусь в пчелином улье: все потные, мокрые из-за прыжков в бассейн, *липкие*. Остановишься хоть на секунду и точно больше не сможешь двигаться никогда. Я чувствую себя в составе человеческой многоножки, потому что чужие руки, ноги, губы касаются меня даже в тех местах, куда им точно не нужно лезть.

Уже около лестницы мое разгоряченное тело окутывает свежий воздух без запаха хлорки и алкоголя – черт, как же это приятно. Ровно в этот момент я ощущаю слабое опьянение, которое приятно отдает в ноги и согревает изнутри. Мне нравится это чувство легкости и расслабленности. Главное – не переборщить с алкоголем, потому что из стадии веселья и комфорта можно очень легко скатиться в состояние «я открыла рот, чтобы чихнуть, и случайно облевала весь пол в комнате» – это все еще флешбэки с прошлой тусовки.

На втором этаже так тихо, что мои уши почти ловят экстаз после криков и оглушающих басов на улице. Я поправляю лямку нежно-голубого бикини и потуже затягиваю прозрачное парео на талии, которое почти болтается на заднице. Вечеринка у бассейна в честь первого месяца студенчества дома у каких-то парней со старшего курса – отличная идея, и не важно, что я потеряла подруг еще час назад, а какой-то громила чуть не скинул меня в воду. Я чувствую себя хоро-

шо и почти не думаю о том, что на мне минимум одежды и каждый может увидеть складки на животе и дряблую кожу на заднице.

«*Это все только у тебя в голове, Ева*». — Я повторяла слова своего психотерапевта как мантру, стараясь больше сидеть в шезлонге, положив подушку на расплывшиеся ноги и растекшийся живот. Так я чувствовала себя гораздо комфортнее, позволяя окружающим видеть только шею и кусочек прикрытой груди.

Я подхожу к самой дальней двери, на которой висит картинка котика с ножом, и дергаю ручку, наплевав на правила приличия. Я ощущаю, как она врежется во *что-то* твердое и, кажется, высокое. Я ойкаю, слегка отходя, чтобы извиниться и ретироваться, но мое лицо тут же обхватывают ледяные сухие ладони, прижимая большие пальцы к щекам, и целуют. Грубо и резко, не позволяя мне даже сделать вдох и понять, что происходит.

Его язык врывается в мой рот, начиная поглаживать мой. Он задает рваный и быстрый темп этого танца, не давая мне возможности подстроиться под него. Это так агрессивно, страстно и быстро, что я чувствую, как внизу живота затягивается узел, посылая импульсы прямо в центр. Я подгибаю пальцы на ногах и касаюсь незнакомца. Под ладонью — стальные мышцы. Я невольно издаю стон.

Моего партнера, кажется, радует это, поэтому он крепко

хватает меня за задницу, разворачивает нас и толкает глубже в комнату, закрывая дверь ногой. Все это он проделывает, не отрываясь от моих губ, и издает тихое рычание, смешанное со стоном нетерпения и возбуждения. Черт, да я готова кончить только от этих звуков.

Я падаю на кровать, чувствуя мягкую пружину, и он наваливается сверху, посасывая мою нижнюю губу, и улыбается. Он наматывает на кулак мои волосы, которые уже выбились из высокого хвоста, и оттягивает голову, оставляя мокрый след на подбородке:

– Тебе же уже есть восемнадцать, милая?

«*Твою мать*». Его хриплый голос, запах мятной жвачки и какого-то древесного парфюма в сумме со слегка кудрявыми волосами повышает мое либидо и желание снять чертовы трусы, которые уже давно намокли. Я выдыхаю ему в рот, и он резко дергается бедрами прямо в мои раздвинутые ноги, показывая нетерпеливость и эрекцию.

– Спасибо, что решил это уточнить. Есть. – Я скорее пишу это, чем говорю. – Но у нас не будет секса, так что можешь идти к двери и караулить свою следующую жертву, а я пока пописаю.

– Ты всегда так много болтаешь?

Я не успеваю ответить, потому что он начинает целовать шею, покусывая ее, за что я провожу ногтями по его твердой и мускулистой спине, оставляя отметины на лопатках. Я сдерживаю стон и желание накинуться на него, просто пото-

му что ложиться под незнакомца совершенно не моя история. Я знаю, что, скорее всего, получу первоклассный оргазм с ним, возможно, даже и не один, но я не хочу после секса поспешно собирать вещи и уходить из его комнаты, как жалкая кукла на один раз.

Я съем себя заживо и буду чувствовать униженной и использованной, а это то, что точно не одобрит мой врач по мозгам. Я работаю с ней не ради десятиминутного удовольствия. Ни один мужчина не стоит дополнительных сеансов у психотерапевта.

Я шевелюсь под ним, показывая, что хочу остановиться, и он тут же слезает. Меня радует то, что он не настаивает и понимает, что «нет» означает именно «нет».

Таинственный незнакомец перекачивается в сторону, притягивая меня к себе за руку. Моя голова оказывается на уровне его пресса, и я запрокидываю ее наверх.

– В моем мире минет тоже считается за секс, так что даже не надейся, парень.

– После таких фраз обычно удваивают ценник, а не говорят отвалить, блондиночка. – Он немного ерзает, ложась глубже на кровать, и устраивает меня у себя на груди, обхватывая ногами и руками, как подушку для беременных.

– Рада, что ты в курсе языка проституток, но мне правда пора идти.

– Эй, прекрати пищать мне под ухо, ты сбиваешь мой сон.

Он точно придурок. Поправочка: придурок, который пытается уснуть с каменным членом в трусах. Я решаю подыграть ему и опускаю голову в ложбинку между шеей и ключицей. Он быстро чмокает меня в макушку, забавно отплевываясь от волос, и спустя минут десять я слышу сопение и чувствую, как его дыхание становится глубже и спокойнее. Его руки, обхватывающие мою талию, расслабляются, поэтому я аккуратно, но быстро вылезаю из теплого кокона. В ту же секунду по моей коже бежит табун мурашек, и я ощущаю невыносимое желание вернуться в его объятия, но этому не бывать.

Я всматриваюсь в заостренные черты лица незнакомца. Он точно не первокурсник: большую часть из них я уже успела добавить в друзья и пообщаться. Значит, старшие курсы, а такая популярность мне точно не нужна на первом году моего студенчества.

На письменном столе рядом с кроватью лежат чистая тетрадь и еще нетронутая упаковка синих ручек. Я отрываю кусочек листа и оставляю ему послание:

Прекрати целовать незнакомых девушек, которые просто хотят сходить в твой туалет.

Я распускаю золотистые волосы и кладу резинку рядом с запиской на прикроватную тумбочку. Еще раз оглядев его расслабленное тело, я тихо выхожу и отправляюсь на поиски друзей.

Глава 1

Настоящее время

Элиан

– Третья дорожка, Элиан Ньето. Факультет питания и диетологии человека.

Под крики на трибунах я медленно, даже вальяжно иду к бортику бассейна с поднятой рукой.

– Папочка готов надрать задницы этим сосункам. – Я улыбаюсь, демонстрируя зубы, и тут же надеваю маску серьезности.

На мне уже красуются черная шапочка с бело-желтой эмблемой нашего кампуса, матовые бензиновые очки и темно-синий халат с моей фамилией на спине. Нижняя часть тела плотно обтянута гидрокостюмом, который сжимает мои яйца в железные тиски. Каждый шаг напоминает о том, насколько же эта штука узкая и, черт возьми, обтягивающая. Первый и единственный минус плавания – плавки, которые не пропускают воду и ложатся на тело, словно вторая кожа. Причем настолько плотно, что ты с трудом можешь согнуть

колени и глубоко вдохнуть.

Я зачерпываю воду рукой и начинаю обливать торс, хлопая себя по спине, плечам и ногам – я должен привыкнуть к холодному бассейну, чтобы при прыжке в воду не тратить время на адаптацию к температуре. Мои соперники выходят на свои дорожки под четкий и командный голос комментатора. Кто-то делает это в наушниках, кто-то машет зрителям, устраивая шоу.

Я же начинаю прыгать на месте, разминая мышцы. Я не обращаю внимания ни на зрителей, ни на друзей, которые сейчас являются соперниками. Я думаю только о ста метрах, которые должен проплыть лучше, чем на предыдущих соревнованиях. Все, что я чувствую, – запах хлорки и предвкушение. Руки слегка подрагивают от адреналина и возбуждения. Кричащая толпа только накаляет обстановку и повышает мою нетерпеливость.

Звучит первый сигнал, и я залезаю на стартовую тумбу. Я целую правый кулак, прикладываю его ко лбу и затем слегка приподнимаю к потолку – *Вселенная, подруга, дай мне шанс.*

Второй сигнал. Я отставляю левую ногу назад, правую – к самому краю тумбы и наклоняюсь вперед, хватаясь за полукруглый срез руками. Самый сложный момент заплыва наступает сейчас: нужно стоять смирно и ждать третьего сигнала. Нервы оголены, а внутри красным светом загорается сигнал к действию. Хочется прыгнуть и плыть, подчиниться внутреннему импульсу, но фальстарт ведет к дисквалифика-

ции. Каждый из нас даже не дышит, чтобы лишний раз не провоцировать рефлексy.

Мир вокруг замирает. Я слышу лишь стук сердца и ярко чувствую каждую напряженную мышцу. Взгляд упирается в светло-голубую воду, которая абсолютно спокойна и так привлекательна. Я немного отклоняюсь назад, давая себе необходимую раскачку, и в этот момент тонкая ткань гидрокостюма натягивается, словно гитарная струна.

Третий сигнал. Небольшой и быстрый толчок назад, и я резко прыгаю в бассейн. Холодная вода встречает меня с любовью и трепетом, охватывая все тело. Я чувствую легкость и то, что нахожусь полностью в ее власти. Видимо, вот так и ощущается дом. Несколько толчков под водой ногами, пока руки подняты над головой, и я вырываюсь на поверхность, пренебрегая воздухом. За долю секунды начинаю действовать все мышцы тела.

Два гребка и вдох. Два гребка и вдох. Руки работают без остановки, стремительно пролетая над водой, как крылья ястреба. Кисть и локоть образуют прямую линию, и это моя опора, с помощью которой я отталкиваюсь от невидимых водных стенок. Спина и задница напряжены, ноги слились в одну линию и двигаются, подобно хвосту дельфина. У них свой темп, быстрый, неукротимый. Они позволяют моему корпусу разрезать водную гладь и лететь ровно вперед.

В голове крутятся сотни мыслей, перебивая друг друга, но я не могу ухватиться ни за одну из них. Слова песен, лек-

ции, цитаты из фильмов... Но при всем этом шуме – пустота. Я вслушиваюсь в бешеный стук сердца, стараясь не сбивать дыхание. Самое важное – держать один ритм четверть дистанции.

Я плыву стилем баттерфляй, а это один из самых тяжелых видов, при котором руки двигаются одновременно, пролетая над кромкой воды. Если выкладываться в начале, под конец ты просто не сможешь отталкиваться руками под водой. Моя тактика остается неизменной с двенадцати лет: половину дистанции держу интенсивный темп, оставшиеся метры – лечу так, будто за мной гонятся акула, серийный убийца и маньяк-педофил.

Глаза смотрят четко на дно бассейна, а на вдохе – прямо перед собой. Вниз и вперед. Вниз и вперед. Нельзя отвлекаться на соперников или пытаться разглядеть кого-то на трибунах. Малейшее отклонение от курса приведет к потере ритма. В воде я похож на робота, на заведенную игрушку, которая делает одни и те же движения из раза в раз. Моя хаотичная энергия, которая обычно распыляется в воздухе и не дает мне усидеть на месте, собирается в кучу и становится катализатором моих гребков.

Осталось двадцать пять метров. Это финальный отрезок. Именно он является решающим во всем заплыве. А еще эти жалкие метры самые непредсказуемые: те, кто отставали всю дистанцию, сейчас могут вырваться вперед. Расклад сил способен измениться в любую секунду, ведь даже на последнем

гребке кто-то может дотянуться пальцами до бортика раньше. Все решают рефлекс, длина рук и сила ног, которые толкают тебя прямо к кафельной стенке бассейна.

Важна каждая миллисекунда, каждое колебание. Я чувствую, как внутри все сжимается от зашкаливающего адреналина. Я больше не нуждаюсь в воздухе. Последние восемь гребков я делаю на износ, забыв про ноющие мышцы и игнорируя жжение в легких. Мне нужно просто прийти первым. И я сделаю это.

Перед глазами показывается очертание стыка двух стен. Я вижу, как на дно бассейна падает тень от судьи, который держит в руках секундомер, хотя, скорее всего, эту картинку подкидывает мне подсознание. Последний взмах руками, и под ладонями чувствуется холодный и скользкий кафель. Конец, твою мать!

Я со всей дури несколько раз бью ладонями по бортику, распыляя брызги вокруг себя. Быстрый вдох, и я опускаюсь на дно бассейна, сгибая ноги в позу лотоса. Это последние минуты тишины и покоя. Мое свидание с водой, которое никто не может сорвать. Я веду мысленный диалог с любовью всей своей жизни. Выражаю благодарность за принятие меня и за шанс прочувствовать водную силу на себе, быть частью этого.

Легкие начинают нещадно жечь, напоминая, что я так и не отдышался после заплыва, поэтому мне приходится оттолкнуться от пола и вынырнуть на поверхность, сдирая с себя

латексную шапочку и очки, которые давят мне на глаза.

Оглушающий рев толпы окутывает меня, заставляя слегка подрагивать от возбуждения и масштаба. Я хватаюсь за железный поручень и подтягиваюсь, присаживаясь на бортик. Моя фирменная улыбочка главного говнюка кампуса адресована прямо болельщикам, которые сидят с телефонами и смеются, глядя на меня. Я привык к их вниманию, особенно женскому. Кто-то из девчонок кокетливо поправляет волосы, закусывая нижнюю губу, кто-то смотрит прямо на меня с сучьей ухмылкой. Сейчас меня удивляет и забавляет реакция толпы.

– Что, говнюк, делаешь вид, будто не знал, что придешь первым? – Как и всегда, спокойный и немного монотонный голос Рэйвена врезается в правое ухо.

Я тут же смотрю на большое табло, хотя отчаянно оттягивал этот момент, и нахожу там подтверждение слов друга.

Чертов чемпион кампуса вот уже третий год подряд.

– Сегодня празднуем твое заслуженное третье место, Белоснежка. – Он ухмыляется от моих слов и взъерошивает светлые волосы, крепко пожимая руку. – Так уж и быть, позволю тебе потрогать мою золотую медаль.

– Лучше разреши наконец погладить твой пресс, чувак. Вдруг он принесет мне удачу.

Я не вижу свое время, но чувствую, что смог улучшить его. Слева от меня появляется протянутая рука, и я с радостью жму ее. Это Кайдэн, еще один лучший друг и по совме-

стителству соперник. Он пришел вторым, но, кажется, это его несколько не тревожит. Темные волосы Кая забавно растрепаны, а белозубая улыбка озаряет лицо, пока он смотрит на меня хитрыми голубыми глазами:

– Чувак, что за шоу ты устроил? Это твой очередной прикол? – Он сквозь смех кричит это, пока мы вытираемся накрахмаленными полотенцами, стоя около тумб.

Я недоуменно гляжу на него, но не успеваю ответить. На весь бассейн раздается голос главного судьи, и я рефлекторно сжимаю челюсть и слегка выпрямляю спину. Это тот самый звук, который ты слышишь в самых жутких кошмарах и автоматически готовишься к худшему исходу.

– Элиан Ньето дисквалифицирован с дистанции сто метров баттерфляй за неспортивное поведение.

Глаза расширяются, и на секунду мир как будто потухает. Все органы опускаются настолько быстро, будто я сижу на аттракционе свободного падения. Рука со сжатым полотенцем замирает около шеи.

Краем глаза я замечаю, как тренер идет к судейскому столу с невинным выражением лица и разведенными в стороны руками, явно готовый к убийству.

– Какого хрена, твою мать?!

– Прекрати придуриваться, – говорит Сантьяго, третий лучший друг, отряхивая светлые волосы, подстриженные почти под ноль. Его карие глаза блестят от адреналина и подозрения.

– Чуваки, если вы меня разыгрываете, то я врежу каждому по очереди. Это не шутка, мать вашу. Меня сняли с соревнований! – рычу я.

Кайден смотрит прямо на меня несколько секунд, а затем берет мою руку в свою, выставляет указательный палец, игнорируя сопротивление, и тычет им в мою же задницу. Первые мгновения я не понимаю, что именно происходит, а потом концентрируюсь на ощущениях: вместо гладкой ткани чувствую кожу. Я буквально трогаю свою задницу, стоя на виду у всего университета.

Вся абсурдность ситуации, оголенные нервы и гребаная дисквалификация ударяют по голове, и я начинаю ржать, сгибаясь пополам, словно услышал самую смешную вещь в мире. *И за это меня сняли с соревнований?!*

Я оборачиваюсь с широкой улыбкой, готовясь давить обаянием на судью, и вижу, как тренер уже спорит с ним, размахивая руками.

– Чувак, а как фамилия главного? – с подозрением спрашиваю я у Кайдена, чувствуя, как улыбка медленно сползает с лица. Ответ я знаю заранее, просто хочу убедиться, что у меня не начались галлюцинации.

– Да-да, Элиан, это тот, о ком ты думаешь. Его зовут сеньор Слоган.

Интересный факт: Бэн Слоган отец моей бывшей девушки. Еще один интересный факт: я и не думал, что после нескольких ночей, проведенных вместе, она стала моей де-

вушкой. Мы с Лиззи просто занимались сексом, когда оказывались рядом. Ей все нравилось, мне – тем более, но ее уважаемый отец живет в девятнадцатом веке с лозунгом: «трахнул – женись». Естественно, я ушел по-английски, как только он прокричал мне это в трубку. Лиззи извинилась за отца и предложила больше не видеться ради его спокойствия. С тех пор мы с ней игнорируем друг друга. Сложив эти обстоятельства, я прекрасно понимаю, почему порванные плавки на заднице теперь являются неспортивным поведением.

Сеньор Слоган смотрит на меня убийственным взглядом, пока я иду прямо к его столу. Я вижу, как желваки проступают сквозь его щетину. Он даже не слушает тренера, который активно пытается ему что-то доказать. Он глядит прямо на меня, и в его миндалевидных глазах плещется агрессивная радость из-за того, что он нагадил мне. На самом деле вот уже несколько месяцев этот старый осел пытается добраться до меня, чтобы отомстить за дочь, но у него не получалось найти достойных причин. И вот его звездный час настал. Но я не дам ему сиять.

– Он же не сам их разорвал! Так бывает, что прямо перед заплывом может порваться шапочка, лопнуть резинка от очков... – Тренер говорит все это так, будто объясняет ребенку, почему после туалета надо мыть руки. – Вы же знаете материал этих плавков: он ненадежный, почти что одноразовый. Одно движение, и вот ты уже светишь задницей.

– Значит, нужно не двигаться вообще, если материал од-

норазовый.

– Вы предлагаете пловцу не двигаться в воде? Вас что, подобрали около метро и заплатили за роль главного судьи?

– Следите за своим языком. Лучше бы это остроумие потратили на своих пловцов, которые не умеют вести себя достойно. Я повторяю в последний раз: это неспортивное поведение. Элиан Ньето снят с соревнований. А если вы не прекратите спорить с судьей, то и остальные ваши спортсмены будут дисквалифицированы.

Его голос походит на удар молотком в зале суда – говорить что-то против бесполезно, приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Ну что же, раз я уже выбыл из гонки, значит, нужно уйти красиво.

Я резко хватаю микрофон с его стола и стучу по нему пальцем, добиваясь противного писка, который отскакивает от стен. Когда все внимание обращается на меня, я подношу его ко рту и поднимаю руку:

– Я уже два года являюсь чемпионом кампуса, но, как видите, все хорошее имеет свойство быстро и глупо заканчиваться. Знаете, почему меня дисквалифицировали? О да, конечно, знаете: я видел, как вы снимали мою голую задницу. Кстати, будете выкладывать в сеть, отмечайте меня, чтобы привлечь побольше подписчиков.

Я подмигиваю толпе и показываю им козу на пальцах – они встречают это громкими аплодисментами и веселым криком, зная, что сейчас точно будет весело. Дурная репу-

тация бежит впереди меня, поэтому каждый из присутствующих уже готовится к новому поводу, который будет обсуждаться еще минимум неделю.

– Но на самом деле это не настоящая причина неспортивного поведения. Несколько месяцев я трахал дочь главного судьи, и мы оба знали, что это секс без обязательств. Но сеньор Слоган решил, что это отличная причина для свадьбы и будущих внуков – ему, видимо, уже не терпится. Объявление! Все девушки, с которыми я спал: пожалуйста, держите своих отцов на коротком поводке, многоженство все-таки запрещено. Кстати, знаете, чем я ее трахал?

Я кидаю микрофон на пол, завожу руки за спину и нащупываю небольшую дырку на заднице. Затем я резко дергаю плавки в две стороны, позволяя шву разорваться окончательно и оголить ноги и колени. Я срываю с себя гидрокостюм одним стремительным движением и теперь стою перед всеми абсолютно голый. Расставляю ноги, улыбаюсь во все зубы и показываю прямо на член двумя руками, громко крича:

– Вот этим, сучки!

Резко развернувшись к покрасневшему сеньору Слогану, я трясущим членом из стороны в сторону, подходя ближе к нему. Мои руки закинута за голову, язык высунут, и я чувствую себя чертовой рок-звездой. Тренер прикрывает рукой глаза, качая головой.

Рот сеньора Слогана слегка приоткрывается от шока, а ли-

цо как будто раздувается от возмущения. Он сжимает кулаки, подходя ближе, явно намереваясь оставить меня без потомков.

– Ты... щенок, совсем обнаглел?! Да я тебя на британский флаг разорву.

Я действую быстрее. Занеся кулак в сторону, я бью по лицу главного судью соревнований.

Глава 2

Элиан

Я сижу в тренерской и смотрю на пыльную полку, заставленную нашими наградами. Кубки, подаренные статуэтки, медали, дипломы в деревянных рамках... Большая часть наград завоевана в год моего поступления. Чуть выше на стене висит множество фотографий выпускников кампуса, тренера, который еще не был лысым, а также наши с парнями снимки. На них мы улыбаемся или деремся, но главное, что везде чувствуются веселье, беззаботность и энергия чертовых победителей. В углу даже есть фото с какой-то светловолосой девушкой, которая гордо стоит на пьедестале и улыбается, прикусывая золотую медаль. Насколько я знаю, раньше на плавание ходила одна девчонка. Она тренировалась отдельно от нас просто потому, что женской секции в кампусе нет. Кто она такая и почему бросила – неизвестно. Да я и не пытался это разузнать.

Тренер, сеньор Лоренто, не может усидеть на месте и потому стоит справа от меня, опираясь кулаками на захламленный стол. Честно сказать, я стараюсь даже не дышать в его сторону, потому что боюсь просто до усрачки. Лучше не

смотреть в глаза хищнику, ведь он чувствует страх и все такое. В нем почти шесть футов роста, а силы и злости просто немаловато.

Старик – кстати, если он узнает, что мы его так называем, то наши тела даже не найдут – в прошлом был серебряным призером Олимпийских игр. Потом случилась травма, причем настолько обидная и глупая, что я до сих пор горюю вместе с ним – вылетело колено. Пока он восстанавливался, прошел уже целый сезон, и, конечно, команда не стала его ждать: восстановление – слишком долгий и непредсказуемый процесс. Он просто ушел из профессионального спорта и подался в тренерство, потому что жизнь без плавания – полный отстой. Судя по слухам, наш университет отвалил огромную сумму, чтобы Лоренто пришел именно сюда.

Несмотря на то что у тренера уже нет волос и есть двое детей, он все еще даст фору каждому из нас, как только прыгнет в воду. Мужик не курит и не пьет, ест только здоровую еду, а в воде чувствует себя лучше, чем на суше. Я уважаю его, даже восхищаюсь им и всегда прислушиваюсь к каждому совету. Ну, кроме тех, что включают в себя фразы «вечеринки под запретом» и «возьмись за голову, придурок».

И вот уже около пяти минут он орет на меня за то, что я сделал. Как только я вошел в тренерскую, Лоренто бросил в меня секундомером – спасибо реакции, что я успел пригнуться. Потом отобрал лед, который медик приложил к моим костяшкам, и снова кинул – ушибленное плечо болит и

ноет не хуже руки. Ну а теперь я просто слушаю то, что в моей голове явно кто-то обосрался и подтерся тонким слоем вещества, которое у обычных людей называется мозгом.

– Ты просто идиот, Элиан. – Я шепчу себе под нос фразу, которую Лоренто точно скажет следующей.

– Ты просто идиот, Элиан! – *Попадание.* – Как можно было додуматься сорвать с себя гребаные трусы и ударить кулаком по лицу главного судью?!

– Ты понимаешь, что теперь с тобой бу... Ай! Ай! Хватит! Все, все, я понял! Молчу и слушаю! Правда, затыкаюсь!

Я не успеваю пробубнить следующую фразу, потому что Лоренто тянет за уши и со всей дури бьет по затылку папкой с личным делом – кстати, моим. Голова по инерции дергается вниз, а влажные волосы вздымаются, словно по башке прилетел не картон, а чертово крыло самолета.

– О, смотрите, я тут неплохо вышел, да?

Я хмыкаю и поднимаю с пола выпавшую фотографию, которую администрация сделала в начале учебного года. Я расстрепанный, с засосом на шее, который оставила неизвестная мне девица, сижу в любимом голубом худи на фоне белой стены. На губах играет фирменная ухмылка, а по серо-голубым глазам явно читается одно слово: *похмелье*.

– Закрой свой рот, Элиан. Знаешь, что твое личное дело делает на моем столе? – Тренер наконец устало опускается на кожаный черный стул, который стоит сзади него. – Профессора уже давно жалуются на твою успеваемость.

– Папочка, обещаю, что сделаю всю домашнюю работу! Только не отбирай у меня телефон. – Я жалобно скулю это, кладя лицо на согнутые руки. Побитые костяшки тут же начинают ныть, но я игнорирую боль, прикидываясь дураком.

– Да насрать мне на твои чертовы оценки, идиот! Администрация уже давно сжирает мне весь мозг из-за твоих фокусов, как будто я могу на тебя повлиять. Сегодняшняя выходка – последний гвоздь в крышку гроба под названием «карьера пловца Олимпийского резерва Испании».

Все мое веселье и паясничество испаряются как по щелчку. В моменте мне больше не хочется вести себя, словно инфантильный маленький ребенок. В уставшем тоне тренера я читаю то, что это ни хрена не шутка. В глазах вижу, что он не пытается запугивать пустыми угрозами. Кажется, я забываю, как дышать. Все органы сжимаются в один тугий комок, и я готовлюсь к худшему.

– Твои прогулы, системная несдача работ, флирт с ассистентками и вечные выкрутасы на вечеринках, которые, конечно же, попадают в сеть, прощались только потому, что ты пловец. Лучший среди всех университетов. Точнее, *был* лучшим до сегодняшнего проклятого дня. Тебе делали поблажки и на многое закрывали глаза из-за перспектив: комиссия резерва открытым текстом говорила, что ты находишься в списке их фаворитов.

– И что же поменялось, если комиссии сегодня даже не было? Я по-прежнему пашу на тренировках, не пропуская

ни одного дня. Все эти чертовы работы я сдаю, пусть иногда и с опозданием. Все анализы всегда чистые. Ну, отдыхаю я, и что? Мне, черт возьми, двадцать лет! Мои результаты стабильны...

– Вот именно, Элиан! Стабильны.

Тренер снова вскакивает, обходит стол и приземляется на деревянный стул рядом со мной, поднимая с пола брошенный секундомер. Он нажимает пару кнопок, открывая историю засеченного времени, и разворачивает узкий экранчик ко мне: 54,5 секунды. Черт!

– Как тебе результат, парень? Ты ухудшил на секунду, и не мне тебе рассказывать, что это значит. Но за это я надеру твою задницу на завтрашней тренировке. После сегодняшнего шоу у тебя больше нет привилегий. – Он смотрит мне в глаза даже не моргая. – Либо ты исправляешь ситуацию и показываешь всем, какой ты хороший мальчик, либо тебя отчисляют, и тогда про Олимпиаду можешь забыть. И про плавание тоже.

Хуже слов я не слышал еще никогда. Мне как будто плюнули в лицо при всех. Дали пощечину прямо на улице. Стая птиц обосрала мой бомбер в центре Мадрида. Я даже не знаю, что еще может ощущаться так неприятно и оставлять настолько противное послевкусие во рту. Кажется, начинаю понимать, что чувствуют люди перед смертью, потому что прямо сейчас я практически узнал о неизлечимой болезни, твою мать.

Забыть про плавание... Да даже если мне отшибет память, я все равно прибегу к бассейну и смогу проплыть все дистанции, не напрягая мозг. Запах хлорки для меня роднее всего, а резиновые шапочки и очки могут заменить весь чертов гардероб.

— У тебя есть ровно два месяца до следующих соревнований, на которых будет просмотр с комиссией. Пока что ты до них не допущен и вообще скажи спасибо, что представителей резерва сегодня не было. К слову, за твой допуск будет отвечать администрация.

— Считайте, что я уже начал исправляться. — Я резко падаю на пол и начинаю отжиматься на кулаках, издавая при этом тяжелые громкие выдохи. — Видите? Первая десятка уже есть, остальное доделаю дома.

Вскочив с пола, я за ремень поднимаю черную спортивную сумку и одним толчком закидываю ее на плечо, салютуя Лоренто двумя пальцами.

— Ищи себе няньку, — говорит он мне в спину, когда я уже распахиваю дверь его кабинета. Услышав эти слова, я тут же захлопываю ее обратно, поворачиваясь на него с комично-недоуменным выражением лица.

— Кого, на хрен? — Я практически смеюсь с его реплики, запуская руку в волосы.

— Следи за языком, сукин сын! — В меня вновь летит секундомер, и я присаживаюсь на корточки, рефлекторно чуть поворачивая голову в сторону. Теперь на дверном косяке по-

зади красуется второй скол от удара. — Менеджера — назовем его так, чтобы тебе было понятнее. Этот человек будет следить за твоим расписанием и помогать тебе вести себя хорошо.

— Да вы шутите, тво... — Тренер смотрит на меня уничтожающим взглядом, беря в руку степлер. Понимаю, что именно эта вещь полетит следующей, поэтому не договариваю фразу. — Мне не нужен надзиратель, я справлюсь сам.

— Нет, парень, к тебе доверия больше нет. Если не можешь следить за своей жизнью, руками и членом, значит, ищи себе помощника. Пусть подтирает за тобой сопли и контролирует домашнюю работу. Даю ровно три дня: на тренировке через это время ты должен показать мне его. Придешь один, дам пинок под зад из команды и даже не помашу тебе на прощание.

Я стою, как рыба, которую выбросило штормом на берег. Какой. На хрен. Менеджер?!

Мне не нужен придурок, который будет виться за мной хвостиком и напоминать о чистке зубов. Лоренто демонстративно засекает время на наручных дорогуших часах и скрещивает мощные руки на груди, глядя на меня с вызовом.

Я, конечно, уверен в том, что он меня любит, и все такое. Но тренер — человек, который еще ни разу не нарушил свое слово, и этот случай точно не станет исключением. Даже если он будет жалеть о своем решении, чисто из принципа все равно сделает то, что обещал. Он выпрет меня из команды,

если я не приду к нему с чертовым менеджером.

Хорошо, я войду в эту игру, тем более четкие правила мне никто не озвучил.

Глава 3

Элиан

Я громко и агрессивно перепрыгиваю через две ступеньки, спускаясь по лестнице. Мне хочется, чтобы кафель под ногами рушился, а стены сзади вспыхивали огнем, сжирая пламенем все на своем пути. Это бы отлично передало мое чертово настроение.

На первом этаже я обнаруживаю, что спорткомплекс уже пуст. Остались только уборщицы и охрана, и я безумно рад, что мне не попадаются люди. Я чертовски зол, твою мать, и не хочу объяснять кому-либо причины своего поведения. Я прохожу сквозь просторный холл с большими панорамными окнами и чуть приостанавливаюсь около доски почета.

В самом центре висит моя фотография, на которой я стою в гидрокостюме и держу в руках огромный кубок, улыбаясь, глядя мимо камеры. Подпись внизу гласит:

«Элиан Ньето, абсолютный чемпион студенческой лиги плавания Испании».

Два хреновых года мое положение на этой доске неизменно. Пиарщики даже не запаривались над сменой фотографии, поэтому на ней моя левая рука не так сильно изрисова-

на татуировками, как сейчас.

Я вновь вспоминаю, что до моего приговора осталось два месяца: либо я попадаю в олимпийский резерв страны, либо... Да нет никакого второго варианта, твою мать. Я сделаю все, чтобы моя заветная мечта сбылась, и плевать, что придется плясать под чужую дудку. Везде можно найти лазейку, и именно этим я и займусь.

В пять лет я уже научился плавать без спасательного жилета и активно барахтался в бассейне под присмотром первого тренера. А с двенадцати лет я предоставлен самому себе – родители поняли, что их маленький мальчик вырос и больше не нуждается в опеке. Я сам ходил на тренировки и обращался к ним только тогда, когда мне нужны были деньги на соревнования или новые очки. Сам просыпался в школу и следил за состоянием чертовой жилетки и брюк, которые мы обязаны были носить в классе. Потом даже научился готовить завтрак – спустя три сгоревшие сковородки я все-таки смог пожарить яйца и помидоры.

Мама занималась своей драгоценной театральной школой в Барселоне, поэтому дома я видел ее максимум раз в неделю, когда она наконец возвращалась из командировки. А отец выстраивал бизнес, изредка говоря, насколько он мной гордится.

Дома практически никогда никого не было, поэтому можно сказать, что я был счастливым сосунком: хочешь – смотри телик и ешь начос, хочешь – дрони с открытой дверью, пото-

му что тебя никто не потревожит. К слову, я делал и первое, и второе, но мне быстро наскучило это – я же знал, что все равно родителям плевать на то, чем я занимаюсь.

А теперь вот он я, здоровый кабан ростом почти шесть футов и весом под девяносто кило, вынужден искать себе надзирателя, потому что администрация университета – чертовы душители.

Закатное солнце беспощадно ослепляет глаза, когда я наконец выхожу на улицу, громко хлопая стеклянной дверью позади себя. Легкий ветер, который приятно остужает разгоряченный мадридский воздух, обдувает немного влажные волосы, пока я иду к тачке друзей и пытаюсь успокоить свой пыл. Оттуда звучит отвратительно громкая песня, а эти придурки разговаривают между собой, пытаюсь ее перекричать. Они сами же ржут из-за того, что им приходится орать, и переспрашивают друг у друга каждое слово. Я слегка качаю головой, сдерживая слово «имбецилы» на языке.

Кайден – богатый ублюдок. Хотя точнее будет сказать, что его отец – богатый ублюдок, поэтому на парковке меня ждет безумно красивый и ужасно дорогой черный кабриолет «Порш 911». Я кидаю сумку, которую тут же ловит Сантьяго, и рывком перепрыгиваю через дверцу, приземляясь на переднее кресло рядом с водителем. Это мое место вот уже третий год, и его никто и никогда не занимает.

Кайден расслабленно сидит за рулем, опустив руку на дверцу, я распластался рядом с ним. А сзади развалились

Сантьяго и Рэйвен. Это наша неизменная четверка придурков. Мы подружились, как только пришли на отбор в команду по плаванию на первом курсе. Практически с первого дня мы нашли общий язык, еще и наши комнаты в университетской общаге были рядом.

Кстати, вместе мы сбежали через неделю оттуда. Ну, точнее сказать, нас выгнали, потому что пьяный в хлам Санти привел стаю собак внутрь, а мы, опьяненные еще больше, спрятали их по тумбочкам наших соседей. Короче, пришлось собрать вещи за пятнадцать минут и свалить, чтобы комендант не настучал на нас. Так мы и стали снимать дом за пределами кампуса, который оплачиваем пополам.

– Я в заднице, парни. – Помолчав пару минут, я выключаю оглушающую песню, которую поставил Санти, и слегка разворачиваюсь на сиденье. Все это время мы стояли на месте, словно они ждали, когда я наконец заговорю. Сразу после моего откровения Кайден наконец срывается с места.

– Нельзя подать апелляцию? Ну, или попробовать добиться отстранения этого ублюдка? Ради этого я готов попросить помощи у отца. – Кайден сморщивается на этих словах, потому что предпочитает не обращаться к своему папочке. Меня удивляет его готовность пойти на такие жертвы, и я искренне ценю это, но не признаюсь вслух. Первое правило лучших друзей – не говорить милости друг другу. Никогда.

– Чувак, ты такой сладкий, когда так кукожишься своим носиком. – Я пытаюсь потрепать его по щеке, за что получаю

крепкий тычок в бок. Ауч. – В любом случае я не повешу на свою гладковыбритую грудь золотую медаль, твою мать. Мне нужно найти себе няньку, которая здорово поработает над репутацией и будет моим карманным помогатором по учебе. Вот черт, это звучит еще абсурднее, чем было в голове. Короче, у меня есть три дня на поиски. И мой исправительный срок длится до просмотра комиссии, которая будет через два месяца. Старик не допустит меня до заплыва, если я не выполню требования.

Рэй и Санти на заднем сиденье переглядываются, ведя между собой молчаливый диалог – эти двое часто так делают, между ними точно есть ментальная связь. Их лица выражают тревогу, ужас и неподдельное сочувствие, но потом эти два придурка начинают ржать, как кони, хлопая меня по плечу и голове с двух сторон.

– Чувак, ты теперь, типа, под домашним арестом? Будешь сидеть за уроками, пока твоя башка не станет размером с тетрадку? – Рэй почти воет эту фразу, подпрыгивая на месте. Его ярко-зеленые глаза просто светятся от веселья. – А как ты планируешь ее искать? Выложишь объявление на сайты? Или будешь ходить и кричать: «Эй, кто-то хочет быть моей мамочкой?»

– Пф-ф, он скорее запустит всплывающее окно на сайтах с порнухой, – говорит Кай, хлопая по рулю.

– Так он найдет себе деда-извращенца, а не няню. Хотя как вариант...

– Да пошел ты. – Я сбрасываю с плеча руку Рэя, доставая мобильник из переднего кармана джинсов. – Старик обозвал эту должность «менеджер», если вам интересно. Но я не собираюсь проживать свои лучшие годы, как хренова Золушка, поэтому мне насрать. Найду какого-нибудь забитого очкарика, покажу тренеру и просто буду создавать видимость того, что я слушаюсь какого-то придурка.

– Ты идиот, Элиан. Найди себе нянечку с третьим размером груди и охренительно крутым ртом, чтобы поиметь с этого выгоду, – говорит Санти, двусмысленно тыча языком в щеку. Его темные брови прыгают в такт движению руки.

– Ну, трахну я ее один раз, а потом мне вновь придется кого-то искать. Слишком много действий ради дебильной прихоти Лоренто и администрации.

– Эй, твой член не отсохнет, если два раза войдет в одну и ту же девушку.

Я показываю ему средний палец, даже не оборачиваясь.

После Лиззи у меня появилось правило: не заниматься сексом с одной и той же девушкой два раза, чтобы ни она, ни кто-либо еще не надумывали себе лишнего. Конечно, все мои подружки в курсе этого – я не идиот, вы не подумайте. Ну и конечно, среди них есть те, кто искренне надеется переубедить меня. Типа, смотрите, я перевоспитала бабника, и теперь он спит только со мной. Получилось ли это у кого-нибудь? Пф-ф-ф, естественно, нет.

Я открываю чат «Спортивные трахари» – общая группа

спортсменов нашего кампуса, в которой больше сотни человек. Здесь и футболисты, и баскетболисты, кажется, даже есть парни с шахмат. У меня отключены оповещения на этот чат, потому что участники постоянно перебрасываются эс-эмэсками, а мне слишком лень читать гору сообщений. Сам же я туда писал ровно два раза, но все же продолжаю там состоять, как и все парни с плавания. Группа практически всегда кишит обсуждениями девчонок, новыми спортивными новостями, музыкой и прочим дерьмом, которое не то чтобы меня волнует.

Но прямо сейчас я пролистываю больше пятидесяти сообщений с обсуждениями моей выходки на заплыве:

«Черт, я чуть не обоссал свои штаны, когда Элиан начал трясти членом с этой безумной улыбкой».

«Я раз двадцать пересмотрел то, как его оттаскивали от этого придурка. Охрана старалась не касаться голой задницы, но я точно видел, как усач шлепнул по ней. @Элиан Ньето, ты почувствовал?»

Я ухмыляюсь и печатаю ответ:

«Вы так увлеклись этим представлением, что я чувствую себя настоящей звездой. Спасибо, парни, поднимаете мою самооценку».

– Футболисты зовут на вечеринку у Хулио. Пишут, что половина кампуса будет там. – Я говорю это, не отрываясь от экрана.

– А ты разве теперь не подражаешь послушнику мужского

монастыря? – Кайден включает поворотник и перестраивается в правый ряд.

– Начну с завтрашнего дня, а сегодня у меня мальчишник, который точно должны запомнить все. Так что, едем?

– Что за вопрос? Конечно, твою мать! Но сначала домой, потому что от нас воняет хлоркой на весь Мадрид.

– А я еще и без трусов.

– Заткнись, Кайден! – орем мы синхронно, и я выкручиваю звук на максимум, надевая солнечные очки.

Ева

Ева

– Вот же старый хрен! – Я бубню под нос и со злостью срываю с мольберта свой рисунок. Мну его в беспорядочный неровный шарик, который тут же запускаю в корзину в углу кабинета. Он ударяется о край мусорного ведра и отскакивает на пол, еще сильнее раздражая меня.

Джерри тут же поднимает и разворачивает его, засовывая сточенный карандаш за ухо. Не знаю почему и зачем, но мой друг всегда садится в самый дальний угол класса, практически около выхода из него – сказать, что у Джереми социофобия, можно так же успешно, как и утверждать, что бана-

ны розового цвета. Этот темноволосый ураган может разговаривать даже кактус.

– У тебя опилки вместо мозга, Евро? – Дебильное прозвище, но он наотрез отказывается называть меня по имени. – Зачем ты испортила свой двухнедельный проект?!

– Да потому что он начеркал поверх моего контура. Теперь фрукты похожи на бараньи задницы.

Учиться на художественном факультете так же весело, как, например, засовывать лампочку себе в рот. Или тыкать мокрыми пальцами в розетку. Или стоять на гвозде, именно на одном. Я очень люблю искусство и планирую связать свою жизнь с ним, но профессора по творческим дисциплинам делают все, чтобы я проткнула себе глаз кисточкой и навсегда забыла слово «рисовать». Они беспощадны, считают себя величайшими творцами, а у студентов авторитета не больше, чем у яблочных огрызков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.